

РУССКАЯ РУЛЕТКА

Майкл РАЙТ

«САНДИ ТАЙМС», ЛОНДОН.

ФОРТЕПИАННАЯ часть конкурса имени П. И. Чайковского в этом году завершилась противоречивой кульминацией, дав слушателям возможность увидеть восхождение на международный пианистический Олимп нового блестящего таланта из Великобритании. В то время как другие исполнители покидали сцену Большого зала Московской консерватории под вежливые жидкие хлопки, а в одном-двух болезненных случаях — просто в ледяной тишине, 20-летний Фредерик Кемпф срывал овацию за овацией, причем зал несколько раз вставал. Он стал настоящим героем конкурса.

Кемпф, учившийся в Кентербери у великого Рональда Смита прежде чем стать многообещающим воспитанником Королевской академии музыки, впервые привлек к себе широкое внимание, победив в 1992 году на ежегодном конкурсе Би-би-си для молодых музыкантов. Но никто не был готов к столь эмоциональному его всплеску на конкурсе Чайковского.

«Аплодисменты после моего исполнения концерта Чайковского не смолкали минут десять, — вспоминает Кемпф с чувством некоторого удивления. — Я всегда мечтал об этом: не победить на конкурсе, а доставить публике максимум наслаждения. Ведущему пришлось жестами успокаивать зал. Доиграв же до половины последнюю часть Третьего концерта Рахманинова, я решил доставить удовольствие самому себе. Она напоминает игрушечные вагончики, бегущие вниз. Невероятно волнующе. Потом мне пришлось буквально продираться сквозь толпу, причем каждый старался до меня дотронуться, а хлопать не переставали даже после того как погасили свет и начали убирать в зале».

«Русские буквально подпрыгивали в креслах, — подтверждает американский пианист Дэниэл Поллак, один из призеров Первого конкурса Чайковского, проходившего 40 лет назад, и член жюри нынешнего. — Каждый раз, когда называли имя Фредди, они приходили в форменный восторг,

но не потому, что он англичанин или так молод. Просто он был на голову выше остальных, что очень волновало. Это то, что обожает русская публика. Они несомненно полюбили музыканта».

С точки зрения Поллака и нескольких других членов жюри, Кемпф был очевидным претендентом на первую премию. И

когда 85-летний Тихон Хренников, председатель жюри по всем специальностям, включая фортепиано, скрипку, виолончель и вокал, удостоил особой похвалы единственного исполнителя, им оказался Кемпф. Есть один юный талант, сказал он, который доказал, что конкурс продолжает свою жизнь.

Однако тайным голосованием Кемпфу была присуждена лишь третья премия, две другие достались россиянам, учившимся в Москве. «Это ни у кого не вызвало удивления, — констатирует московское издание журнала «Космополитэн. — Мафия знает, что делает. Кто был намечен на получение премии и соответствующего денежного вознаграждения, тот их и получил. Этот конкурс всегда был отмечен язвами противоречий, но нынешний побил все рекорды — и по невероятно высокой посещаемости, и по невероятному размаху подтасовок».

По сравнению с английским конкурсом пианистов в Лидсе, телевизионные трансляции которого по Би-би-си вызывают лишь умеренный интерес, недоброжелательность, огорчения и предрассудки, связанные с московским конкурсом, при-

влекают к нему очень большое внимание. Тем не менее это самая крупная в мире музыкальная баталия за призовые места, а для русских это что-то вроде Кубка мира по футболу. Тот факт, что в победители имеют обыкновение выходить не те, кто этого достоин, только добавляет ему, как ни странно, неоправданного блеска.

Все изначально, с самого первого года, пошло не так, как было задумано. Идея конкурса 1958 года заключалась в том, чтобы сделать из него своего рода витрину для демонстрации советской культуры, чтобы протрубить (или «пропианинить»), что советские музыканты — лучшие в мире. И вдруг приехал пианист из Техаса Ван Клиберн и сыграл так, что все советские соперники остались позади. Жюри пришлось даже звонить в министерство культуры и самому Хрущеву, дабы уточнить, позволительно ли присудить премию врагу.

После конфуза, случившегося в 1958 году, на следующем конкурсе, 1962 года, русским снова пришлось кусать локти. В тот год золотую медаль в конце концов поделили два замечательных дарования: Джон Огдон (Великобритания) и Владимир Ашкенази (СССР). Ашкенази вначале даже не хотел принимать в нем участия, чувствуя, что борьба с опытными конкурсантами ему не по плечу, однако министерство культуры вынудило его дать согласие. В конечном счете Огдон сыграл так мастерски, что после долгих закулисных дебатов ничего не оставалось, кроме как объявить его сопобедителем.

Успех не оставлял англичан. В 1970 году совместная премия была присуждена Джону Лиллу, а в 1986-м — единоличная — Барри Дугласу из Северной Ирландии. Однако присуждение совместной второй премии Питеру Донахью в 1982 году снова вызвало резкие протесты. Питеру противопоставили русского пианиста Владимира Овчинникова, который, как говорили, был «назначен» в победители. Но Донахью был любимцем публики, а Овчинников сыграл крайне не-

равно, часто плохо помнил ноты. Но поскольку власти придерживались по-прежнему желали, чтобы пальма первенства досталась своему, было принято простое решение — первую премию не давать, а вторую поделить между Овчинниковым и Донахью.

«Всем известно о закулисных махинациях и о том, как трудно пробиться в лауреаты, — утверждает Майкл Гловер, консультант редакции «Интернэшнл пьяно кватерли», приложения к журналу «Граммофон». — Необходимо заручиться покровительством одного из влиятельных русских педагогов. Фредди Кемпф убедился в этом на собственном опыте. А ведь у него талант, который появляется раз в поколение, и то если повезет. Он, несомненно, один из превосходнейших молодых пианистов в мире. По общему мнению, Кемпф был во сто крат выше всех остальных. И тем не менее победителем стал не он. Не важно каков талант, келейная политика по-прежнему остается непреодолимым барьером».

А где «политика», там и коррупция. В 1990 году английского члена жюри Джеймса Гибба попросили дать урок одному из конкурсантов за пять или шесть недель до начала конкурса.

«За этот одночасовой урок я получил тысячу долларов в заклеенном конверте. Я возвратил эти деньги дяде исполнителя и поставил в известность жюри». Случались трюки и почище. От имени этого же конкурсанта в дар Московской консерватории был преподнесен новехонький концертный рояль «Стейнвей». Однако предложение дисквалифицировать этого музыканта было встречено многими членами жюри в штыки, они проголосовали против.

«Не принимавший участия в голосовании секретарь жюри, прекрасный пианист, сказал, что очень гордится тем, что я состою в жюри, — вспоминает Гибб, — и ему стыдно за исход голосования. К счастью, я думаю, справедливость взяла верх и победителем по праву стал Борис Березовский. Что же касается остальных, я не могу вникать в интриги русских...»

Проблема не столько в пристрастном отношении, сколько в самой процедуре присуждения наград за исполнительское мастерство в целом. «Получается так, что бездарные, но очень ловкие исполнители — оборотистые посредственности — поднимаются на самый верх, — комментирует Гибб, — в то время как индивидуальность, самобытный артистизм зачастую считаются предрассудком».

Его мнение разделяет и Поллак: «Голосовать по чистой совести никак не получается, потому что, какую бы вы ни выбрали оценку, то есть «слишком высоко» или «слишком низко», она сравнивается со средней. В результате на всех конкурсах, где пользуются аналогичной системой, выдающиеся пианисты остаются ни с чем, а заурядности, от которых много шума, становятся победителями. Правда, дальше их карьера не идет».

К счастью для Кемпфа, не каждый подлинно талантливый пианист терпит фиаско. Хренников, который дважды грозился сложить свои обязанности, не дожидаясь конца конкурса, добился специальной для Фредди дополнительной денежной премии в качестве особой награды от жюри. Кроме того, ему поднесли памятный чайный сервиз и собрание сочинений Пушкина в 24 томах на русском языке. «Странный подарок для иностранца», — холодно отмечает Кемпф.

Ведущий телевизионный канал, транслирующий культурные программы, объявил, что повторит выступления Кемпфа на всех трех турах конкурса, а также организует концерт «вживую» в любое время по приезде пианиста в Москву. Поток хлынул авансы от компаний звукозаписи, русских и японских импресарио. Юные девицы пустились набивать карманы Кемпфа бумажками со своими телефонами. Его пригласили закрыть музыкальный сезон в консерватории, завершив второй гала-концерт конкурса.

Едва конкурс подошел к концу, как Поллак испытал на себе бурную реакцию публики на несправедливость, сознательно совершенную над Кемпфом: «За кулисами негде яблоку было упасть. Какой-то мужчина потом подошел ко мне на улице и сказал: «Спасите нас. Спасите конкурс Чайковского. Спасите Россию». Я понимаю, что имелось в виду: я и раньше бывал здесь. «Вы музыкальная совесть этого жюри. Старайтесь не грешить перед истиной, чего бы это ни стоило». Они знают, что какая-то проблема существует».

Разумеется, существует. Конкурс Чайковского — слишком крупное и важное соревнование, он устоит перед скандалами. Но это не означает, что выдающимся, не похожим на других пианистам будущего станет легче одолеть официальных фаворитов русской пианистической мафии. «То, что случилось, случилось не в первый раз, — завершает Поллак усталым голосом. — И, думаю, не в последний».